

УДК 323.8;327.57;327.7
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-4-59-68

**ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИРОДЫ ТЕРРОРИЗМА В XXI в.:
ПО ПУБЛИКАЦИЯМ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ**

**FACTORS OF TERRORISM NATURE TRANSFORMATION IN THE XXI CENTURY: ACCORDING TO
PUBLICATIONS OF FOREIGN AUTHORS**

Чжан Цзыхао, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
г. Москва
zhangzihao0710@gmail.com

Zihao Zhang, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Терроризм является одной из главных угроз мирного, эволюционного развития как отдельно взятых государств, так и всего международного сообщества в целом. При этом он не остается статичным, не находится в состоянии стагнации какое-либо длительное время, постоянно трансформируется. Современная российская и зарубежная наука уделила немало внимания выявлению, анализу и характеристике факторов, влияющих на его изменение. Это связано с желанием понять внутреннюю природу терроризма, причины его трансформаций и возможности развития. В то же время наука не предлагает однозначной оценки факторов изменений.

Названные обстоятельства, с одной стороны, обуславливают актуальность изучения различных аспектов развития терроризма, связанных с ним угроз и антитеррористической деятельности различных стран и организаций. С другой стороны, данная проблематика изучена не в полной мере.

В ситуации современного противостояния России и стран Запада, связанного с присоединением Крыма, введением антироссийских санкций и антисанкционной политикой Российской Федерации, интересно проанализировать мнения иностранных авторов по вопросу трансформации внутренней природы терроризма в XXI в. В последние два десятилетия значительно возросло количество террористических организаций, которые не сдерживаются границами стран и континентов.

Первые изменения в природе терроризма проявились в результате инцидента 9/11 (11 сентября 2001 г.), направленного исключительно против западной интервенции, т. е. вмешательства во внутренние дела других государств. Деятельность появившегося позже Исламского государства значительно отличается от предшествовавших ему террористических организаций, она состоит не только в сопротивлении Западу или иным неисламским странам и регионам. Бесцельность или отсутствие одной цели у террористических атак может свидетельствовать об изменениях в природе терроризма. Между тем, нельзя отрицать, что одним из условий развития терроризма, кроме вмешательства Запада в дела других стран, стало противостояние между Россией и Западом в XXI в., приведшее к изменению существующего мирового порядка

Ключевые слова: терроризм; террористическая угроза; исламизм; Российская Федерация; США; страны Запада; интервенционизм; вмешательство во внутренние дела других государств; Аль-Каида; Исламское государство Ирака и Леванта

Today, terrorism is one of the main threats to the peaceful and evolutionary development of individual states and the international community as a whole. At the same time, terrorism itself does not remain static, it is not in a state of stagnation for any long time, constantly transforming. It is obvious that its changes are influenced by some factors. Modern Russian and foreign science has devoted a lot of time to their identification, analysis and characterization. This is due to the desire to understand the internal nature of terrorism, the reasons for its transformations and prospects for development. At the same time, science does not offer an unambiguous assessment of the factors of change.

This has determined, on the one hand, the relevance of studying various aspects related to the development of terrorism, the threats associated with it, and the anti-terrorist activities of various countries and organizations. On the other hand, this problem has not been fully studied.

In the current situation of confrontation between Russia and the West, related to the annexation of Crimea, the introduction of anti-Russian sanctions and the anti-sanctions policy of the Russian Federation, it is interesting to analyse the opinions of foreign authors on the transformation of the internal nature of terrorism in the XXI century. In the past two decades, the number of terrorist organizations that are no longer held back by the borders of countries and continents has increased significantly.

The first changes in the nature of terrorism occurred as a result of the 9/11 incident (September 11, 2001), which was directed exclusively against Western intervention, i.e. interference in the internal affairs of other states. The activities of the Islamic state that emerged later are significantly different from those of the terrorist organizations that preceded it they are not just about resisting the West or other non-Islamic countries and regions. The aimlessness or lack of a single goal in terrorist attacks may indicate changes in the nature of terrorism. Meanwhile, there is no denying that one of the conditions for the development of terrorism, in addition to Western interference in the affairs of other countries, was the confrontation between Russia and the West in the twenty-first century, which led to a change in the existing world order

Key words: terrorism; terrorist threat; Islamism; Russian Federation; USA; Western countries; interventionism; interference in the internal Affairs of other States; al-Qaeda; Islamic state of Iraq and the Levant

Введение. Распространение терроризма – существенная угроза для мирового порядка и международной безопасности. Террористические организации действуют по всему миру, однако особо активны в Европе, Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, они вышли за пределы национальных границ, преодолевая региональные барьеры и прорываясь на глобальный уровень. Растет количество террористических атак, расширяется их диапазон.

Терроризм постепенно меняет свой формат, от локального он переходит к внутринациональному и международному уровням. Меняется и его сущность. Постоянно увеличивается роль религиозной составляющей. Особенно ярко это проявилось после широко известных событий 11 сентября 2001 г. в США, которые явились своеобразным выходом накопившейся негативной составляющей в международных отношениях и стали неожиданными. Однако проблемы в отношениях между государствами Запада и странами Ближнего Востока назревали в течение десятилетия, начиная с войны в Персидском заливе. Противоречия развивались параллельно с развитиями существовавших до того форм терроризма.

Постепенно менялись цели исламских организаций. Так «Аль-Каида» перешла от сопротивления Соединенным Штатам Америки к большим, смешанным целям – антизападным действиям в целом и развитию исламского экстремизма.

Угроза исламского терроризма стала значительной для всего мира. Современному мировому сообществу важно понимать причины роста исламского терроризма, особенностей его развития, степень распространения в мире, потенциально возможные последствия деятельности исламских террористических организаций. В противостоянии исламскому терроризму важно осознавать место крупнейших мировых держав, таких как Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки.

Объект исследования – терроризм как явление мировой действительности на современном этапе развития международных отношений.

Предметом исследования являются сущностные черты терроризма, основы его природы, их трансформация в условиях западной интервенции, т. е. вмешательства стран Запада во внутренние дела государств в условиях сложных, противоречивых отношений между двумя ведущими мировыми державами – Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки.

Цель исследования – установить степень изменений природы терроризма под влиянием вмешательства западных государств во внутренние дела иных стран, а также выяснить влияние противоречий между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки на развитие терроризма.

Поставленная цель определила круг задач:

- оценить важность отношений между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки в антитеррористической деятельности;

- определить внутренние изменения природы терроризма в последние годы;

- установить этапы изменений природы терроризма в XXI в.

Способ аргументации основных положений, а также промежуточных и итоговых выводов по исследованию – это опора на имеющиеся теории международных отношений и теории безопасности, концепции оценки терроризма и борьбы с ним.

Методология и методика исследования. В основу методологии исследовательской работы легли классические и современные подходы к характеристике международных отношений, международной безопасности, терроризма и борьбы с ним.

Важной проблемой методологии в рамках предметного поля настоящей статьи является вопрос, можно ли применять методы исследования теории международных отношений в работах по безопасности и, в частности, в исследованиях, касающихся терроризма. Так, Х. Хафтендорн отмечал, что методы концептуального и теоретического анализа, применяемые в теории международных отношений, могут использоваться в работах по безопасности [4]. Использование данного подхода представляется оправданным. Так, с помощью метода концептуального анализа теории международных отношений может быть определен термин «терроризм», оценены изменения его природы.

Применялись и такие общенаучные методы познания, как сбор, анализ и синтез материала. Они важны при работе с имеющимися публикациями. Метод дедукции позволил выстраивать логические цепочки от частного к общему, а метод индукции – от общего к частному.

К специальным научным методам исследования относятся методы структурно-функционального и системного анализов. Они позволили автору рассматривать международные отношения и международную безопасность как самостоятельные системы и структуры с характерными чертами.

Результаты исследования и их обсуждение. Однозначно назвать факторы, влияющие на трансформацию терроризма сложно. Очевидно, что их может быть достаточно много.

Зарубежные авторы при анализе изменений, произошедших в последние годы, говорят о двух особо значимых. Первый – это взаимоотношения России с США и со странами Запада в целом, а также их взаимодействие в сфере борьбы с терроризмом. Второй – американский интервенционизм, т. е. вмешательство во внутренние дела других стран. Попробуем оценить данные факторы и с их учетом выделить этапы трансформации международного терроризма.

Важнейшей составляющей в борьбе с международным терроризмом является взаимодействие на этом поле Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, а также России и стран Запада в целом. Важность этих отношений невозможно переоценить. Со времен «холодной» войны они пережили несколько последовательных волн, где постоянная напряженность снижалась только в короткие периоды во время президентства Клинтонна.

Американский интервенционизм, практикуемый в соответствии с доктриной Клинтонна, концентрировался помимо прочего и на распространении американского влияния в России. В этом плане на начальной стадии постсоветского развития Россия выглядела для США очень важным объектом. Эффективность вмешательства США в дела иных стран определялась и определяется особенностями внутривнутриполитической ситуации государств, на которые американский интервенционизм направлен в определенное время.

Последствия «холодной» войны убедили и Россию, и Запад, в том, что прямые конфликты могут заставить обе стороны заплатить слишком высокую цену. Поэтому в период постхолодной войны, или так называемой «второй холодной войны», Россия и страны Запада предпочитают экономическое стратегическое соревнование, проверяя и сравнивая последние научные и технологические достижения друг друга, при этом стремясь сделать «вторым полем битвы» другие, как правило, развивающиеся страны. Это отличается от концепции традиционных буферных зон, служивших для защиты границ, в этой связи Россия и Запад активнее вступают во взаимодействие в рамках указанных территорий. В частности, в сирийской гражданской войне Россия и США преследуют каждый собственные интересы.

В отличие от американского интервенционизма и экспансионизма, Россия настойчиво проводит политику защиты региональных интересов от внешних конфликтов и хаоса. Она представляет иной вектор: американская стратегия, в первую очередь, ведет к разграблению ресурсов и лишь затем – к решению проблем. Невысокая затратность российской стратегии позволяет уделять особое внимание тому, что происходит в регионе, недалеко от границ, и строить предположения о том, как максимизировать свою выгоду. Кроме того, российская внутренняя политика демонстрирует единый подход к реализации собственных региональных интересов как по горизонтали, так и по вертикали, что тоже отличается от противоречивой американской политики. Демонстрируемое Россией совмещение национальных интересов с внешнеполитическими оказывается даже более эффективно, чем реализация мер, направленных против Запада. Однако описанные различия в подходах России и США приводят к противоречиям, которые, в свою очередь, могут мешать совместной борьбе с терроризмом.

Кроме того, прогресс расширения НАТО вынудил Россию отказаться от проекта соглашения с Западом, который использовался для сокращения гонки вооружений или продажи оружия. Р. Хаас полагает, что постепенное расширение НАТО ухудшит отношения между Западом и Россией, что будет сопряжено с дополнительными издержками, поскольку в структуре НАТО будут появляться новые государства-члены из Центральной Европы, отождествляющие себя с западными ценностями и демократической системой [3]. Подобные процессы также будут побуждать Россию оказывать все большее политического давления на другие европейские страны.

По мнению ряда иностранных авторов, когда в сентябре 1994 г. был составлен и объявлен план расширения НАТО, Россия и ее президент Б. Н. Ельцин получили негативный настрой и избрали позицию пассивного мира вместо того, чтобы выстраивать мирное сосуществование и взаимодействие [10].

Расширение НАТО усугубило степень взаимных подозрений в отношениях между Россией и Западом, а глубоко укоренившееся взаимное недоверие сделало малоэффективными двусторонние соглашения.

Р. Хаас отмечал, что цель расширения НАТО – не международная безопасность, а расширение собственного политического влияния, с поддержкой только тех стран, которые заинтересованы в совместных военных операциях и военном сотрудничестве. Во время холодной войны основной целью этой организации стало поддержание мирового порядка с позиций стран Запада, однако с крахом биполярного мира смысл существования и функционирования НАТО оказался под вопросом [3].

Новый провал переговоров по контролю над вооружениями между США и Россией пришелся на 2000-е гг. Хотя в ходе визита Б. Обамы в Москву в 2009 г. успешно создана двусторонняя президентская комиссия США и России, соглашение о контроле над вооружениями так и не было достигнуто. П. Ратленд и Г. Дубинский пишут, что у Д. А. Медведева и Б. Обамы не существовало удовлетворительного плана для одновременного решения двух проблем – ядерной программы Ирана и плана противоракетной обороны Польши [10]. После никто не пошел на уступки, при этом пауза в развертывании запланированной противоракетной обороны возникла не в связи с компромиссом США и Россией, а оттого, что ракетная программа Ирана требовала переоценки.

Таким образом, самые трудные переговоры в итоге вернулись к продлению срока действия договора о сокращении стратегических наступательных вооружений – срок его действия истек. Гораздо большее внимание Б. Обамы привлекали не угрозы со стороны российского оружия, а риски от других стран, приобретающих ядерное оружие. В результате ряда сложных технологических дискуссий в 2010 г. достигнуто соглашение о новом договоре СНВ. Тем не менее, по мере усиления напряженности в российско-американских отношениях результаты этой работы почти полностью сведены к нулю [10].

Западный блок, возглавляемый США, сохраняет практику, согласно которой альянс предпочитает отказ от сотрудничества с остальным международным сообществом, если это не связано с их собственными интересами. Это подтверждает и их реакция на сирийскую гражданскую войну на ее ранних этапах. Однако отношение Запада изменилось с изменением ситуации на поле битвы, особенно после включения России, а под-

держка, оказанная США курдам, и авиаудар по Сирии во имя борьбы с Исламским государством показали, что США и его союзники вступили в военные действия, хоть и косвенно.

В настоящее время, религиозный терроризм предстает перед Россией и Западом как общая угроза безопасности, при этом ситуация усугубляется в связи с идеологической нестабильностью. Поэтому сотрудничество между двумя крупнейшими державами крайне необходимо для искоренения терроризма, даже несмотря на то, что Исламское государство в Сирии, согласно отчетам, ликвидировано. Анализ противоречий между Россией и Западом может способствовать поиску решений для разрядки напряженности в отношениях между двумя сторонами и созданию основы для сотрудничества.

Изменение природы терроризма.

Р. Варнес указывает на трансформацию терроризма и усиление у него характеристик, среди которых активизация националистов, отличающихся от террористов в предыдущем понимании; появление «левых» террористических организаций; появление международных или финансируемых государством террористических групп; уменьшение угроз безопасности со стороны политических организаций и увеличение – со стороны идеологической сети, состоящей из исламистских экстремистских групп. В целом, эти изменения открыли терроризму пути за пределами национальных границ, что позволило ему трансформироваться из доморощенного террора к международному [14].

Для анализа того, насколько терроризм вышел за рамки привычных границ, следует изучить диапазон распространения его различных форм, что продемонстрирует изменения в его природе. Наиболее широко распространился религиозный терроризм, так как влияние религии, лежащее в идеологическом поле, по-прежнему гораздо сильнее, чем распространение в мире научной картины. Влияние идеологии и религиозного терроризма способствует не только раздуванию в странах Ближнего Востока и Северной Африки антизападных настроений, но и обращению к исламскому экстремизму других религиозных групп. Исключением пока остаются атеисты: по эффективным способам влияния на них нет точных данных.

Кроме расширения диапазона террора, изменение его природы выражается в отсут-

ствии тактических целей и усилении целей стратегических. Основой его деятельности стала не борьба с Западом, а распространение атмосферы страха через нерегулярные террористические атаки по всему миру.

Общая картина исламского терроризма показывает, что экстремизм пытается охватить все страны, регионы и даже цивилизации новыми войнами, стремясь снизить цену выбора цели для каждой новой террористической атаки. Такого рода тактика заставила западные страны увязнуть в пусть и не столь затратной, однако затяжной войне с терроризмом. Снижение затрат позволяет террористам планировать больше терактов. Можно предположить, что общая радикализация ислама и усиление чувства идентичности с ним будут ускорять распространение терроризма. При этом внешние силы, пытающиеся подавить национальную идеологию, приведут к еще большей радикализации ислама, что усилит его сопротивление. Одним словом, трансформация религиозного терроризма будет ускоряться от нестабильности в сфере распространения идеологии и религиозных догм.

Среди других особенностей трансформирующейся природы терроризма – изменение подходов к насаждению атмосферы страха. Часть исламских фундаменталистских движений превратились в политические, и на этом новом этапе их доктрины подверглись влиянию западной идеологии. Подобно этому терроризм начинает сливаться со многими политическими идеологиями, что может в будущем превратиться в еще большую проблему в сфере безопасности для США и стран Европы [11].

Тенденция к снижению затрат на террористическую деятельность позволяет террористическим организациям внедрять новые методы. Частота совершаемых терактов помогает им изучить различные способы увеличения числа жертв, расширения масштабов ущерба, усиления влияния террора и реализации своих политических амбиций. Подобно другим объектам исследований в области международной безопасности, терроризм также имеет собственный эволюционный путь, однако его выход из-под контроля обеспечил такого рода самосовершенствование и идентификацию, которые в значительной степени изменили природу терроризма. Его дальнейшее распространение может приве-

сти к более высокому уровню психологического воздействия и большей продолжительности последнего, что, по сути, представляет собой деградацию терроризма. Такого рода «деградация» ухудшит последствия его действий, что противоречит логике процессов эволюции и оптимизации: результат в подобных случаях должен улучшаться, а не ухудшаться. Вместе с тем, эти процессы не означают упадка терроризма, а показывают его своеобразную эволюцию и новый вектор движения – изнутри наружу. Разрушительность террора, усиливаемая процессами описанной деградации, демонстрирует не только его эволюцию, но и приближающийся крах существующей системы международных отношений и международной безопасности.

Из сказанного можно сделать вывод, что аномальный рост террористической активности в значительной степени является результатом серьезной трансформации террора. Исламский терроризм все еще может меняться, по крайней мере, до тех пор, пока его природа не исчерпает себя. Снижение уровня международной безопасности и распространение терроризма сдерживаются в определенных пределах, однако можно предположить, что если эти процессы будут продолжаться, то их ждет точка встречи – своеобразного «балансного» компромисса. Однако такого рода баланс, который станет новым мировым порядком, будет во многом определяться эволюцией терроризма.

Новейшие обновления стратегии безопасности США демонстрируют, что Запад не поспевает за изменениями природы терроризма. Угрозы, которым подвергается система международных отношений, усугубляются комплексом проблем: политическое противоборство, проблемы глобальной экономики, идеологические и культурные столкновения цивилизаций – Запад занимается в гораздо большей степени ими, чем изучением изменяющейся природы терроризма [1]. Эти изменения выражаются в переходе от локального, внутреннего терроризма к глобальному, значительную роль в котором играет исламский терроризм.

В рамках общей статистики исламистских террористических атак инцидент 11 сентября 2001 г. и переименование Исламского государства в 2014 г. демонстрируют два поворотных пункта, связывающих три этапа:

переход от локального исламского терроризма к противостоянию с Западом, а затем – к экстремистскому религиозному терроризму.

Этапы развития терроризма и трансформации терроризма.

1. Терроризм до инцидента 9/11 (11 сентября 2001 г.).

Существует множество точек зрения на выделение фаз современного терроризма, однако общепринятым является мнение, что фазу, предшествовавшую атакам 11 сентября, характеризовал «доморощенный» терроризм. Наиболее яркий пример – это Ирландская республиканская армия в Соединенном Королевстве. В ее состав входят Ирландское республиканское братство и Ирландская гражданская армия. Тогда же появилось много подобных организаций, поддерживавших национализм [13].

«Доморощенный» терроризм – это проблема безопасности, наряду с конфликтами в Африке, Латинской Америке и Ближнем Востоке, которую оставила после себя администрация Клинтона и которую были вынуждены решать последующие администрации. Чтобы разрядить напряженность, администрация Клинтона решила способствовать узакониванию «доморощенных» террористических групп, позволить террористическим организациям и их лидерам участвовать в дипломатии, политике и глобальных делах в качестве членов правительств и политиков [12].

Политика, проводимая США для определения национальных движений в Палестине и Южной Африке в качестве доморощенного терроризма, являлась абсурдной и неоправданной, однако она эффективно уменьшила конфликты и угрозы безопасности. Исследователи отмечают, что Клинтон в свое время поддержал стабильность в международном сообществе, способствуя прогрессу перехода внутринационального терроризма в политическую сферу и улучшая политическую репутацию «террористов», хотя США заплатили цену за то, что имели дело с доморощенным терроризмом [12].

Россия, без сомнения, является экспертом в борьбе с насильственными движениями, а доморощенный терроризм в России тщательно изучается. Россия сделала больший упор на пагубность доморощенного терроризма, чем другие страны. Чеченский терроризм, как и другие активные сепара-

тистские движения (например, на юге Таиланда и в Кашмире) обеспечивался поддержкой «Аль-Каиды» [9]. Победа российских властей над терроризмом в Чеченской Республике стала определенной парадигмой противодействия доморощенному террору и вошла в историю борьбы с терроризмом.

Существует еще ряд примеров того, как активные сепаратистские или националистические движения действовали в самых различных точках мира, задействуя идею террористического давления на общества и государства, а также выстраивая свои действия на основе национализма. В частности, «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ) в Шри-Ланке провели множество террористических атак, таким образом давая отпор репрессиям правительства в отношении тамильской общины. Названные движения относятся к внутринациональному терроризму, что отличает их от групп и отдельных лиц, занимающихся террористической деятельностью на современном этапе [9].

2. Аль-Каида и инцидент 9/11 (11 сентября 2001 г.).

До 11 сентября дискуссии о природе Аль-Каиды сводились к тому, рассматривать ли ее как вид активного насильственного движения или как террористическую группу. П. Роджерс писал, что в 1990-х гг., после войны в Персидском заливе, движение Аль-Каиды все еще было сосредоточено на противостоянии США на Ближнем Востоке, однако со временем организации удалось укорениться в Афганистане. Это произошло благодаря поддержке талибов и после серии перемещений Усамы бен Ладена между различными странами [9].

Религиозные убеждения в Аль-Каиде оказали гораздо большее влияние на это движение, чем политические взгляды внутри нее, выразившиеся главным образом, в радикальном национализме. Кроме того, движение «Аль-Каида» имеет несколько ярко выраженных особенностей:

- масштабы планируемого изначально политического развития внутри Аль-Каиды незначительны;
- руководство организации не имело долгосрочного плана собственного развития и противостояния Западу, а также другим внешним силам;
- после атаки 11 сентября 2001 г. возможности Аль-Каиды были ограничены, а

само ее существование стало зависеть от внешней поддержки [9].

Быстрая реакция возглавляемого США альянса на инцидент 11 сентября 2001 г., вылившаяся во вторжение в Афганистан, не вызвала возражений, однако последующие операции стали весьма спорными. И хотя война с террором декларировалась в качестве борьбы за мир и справедливость, Аль-Каида начала получать поддержку, особенно в связи с войной в Афганистане и вторжением в Ирак, когда войны привели к жертвам среди гражданского населения в исламских государствах [9].

Таким образом, атака 11 сентября 2001 г. привела к войне между исламским миром и Западом.

Первоначальное изменение природы терроризма связано именно с Аль-Каидой. По словам Г. Киссинджера, такие группы, как «Аль-Каида», поставили перед мировым сообществом сложную проблему, которая требует уничтожения врагов, не имеющих собственной территории и не являющихся законными правительствами [7]. Тем не менее, война против терроризма, которая устранила большую часть конкретных террористов Аль-Каиды, доказала, что объявление войны отдельному врагу внутри государства стало эффективной мерой для ранней стадии антитерроризма. В 2010-х гг. Аль-Каида оставалась недостаточно организованным образованием, имела много аналогично организованных отделений в разных странах, которые, в свою очередь, получали поддержку на Ближнем Востоке и в Северной Африке, и в некоторой степени, поддержку местных мусульманских общин в Западной Европе и Северной Америке [9].

3. Исламское государство и религиозный терроризм. Новый этап развития терроризма.

По сравнению с предыдущими формами террора, инциденты, связанные с Исламским государством, более конкретно отражают характер меняющейся природы терроризма.

Новая организация, отделенная от Аль-Каиды, назвала себя «Исламское государство Ирака и Леванта», причем это новое название в значительной степени связано с его политическими и религиозными амбициями. Начиная с 2013 г., новая террористическая организация стала выходить за пределы национальных границ, т. е. государства, в

рамках которого она возникла, Ирака. Постепенно она взяла под влияние большинство суннитских племен в восточной Сирии [2]. Сильные боевые возможности Исламского государства продемонстрированы в битве за Мосул в 2014 г., который является вторым по важности городом Ирака [13].

Бинарная оппозиция в исламском мире, основанная на модели взаимоотношений между мусульманскими и немусульманскими странами, является принципом Исламского государства для общения с внешним миром. Он зафиксирован в Конституции Ирана как государственная доктрина и стал основой идеологии вооруженных групп, состоящих из меньшинств в нескольких странах, таких как Ливан, Сирия, Ирак, Ливия и Йемен [7].

Очевидно, что для Исламского государства внешний мир, классифицируемый по признакам религии и идеологии, включает все немусульманские страны. Тем не менее, Исламское государство применяет бинарную систему и к внутреннему исламу, стремясь сжать жизненные пространства других идеологий, насаждая мысль, что они действуют вразрез с учениями, провозглашенными панисламизмом и исламским фундаментализмом. Это вызвало сопротивление со стороны Аль-Каиды. Конфликты между Аль-Каидой и Исламским государством привели к гибели более 3000 человек, и западная политика по нанесению ударов по Аль-Каиде трансформировалась из жесткой в умеренную, поскольку последняя сумела продемонстрировать способность сохранять баланс между различными силами в сирийской гражданской войне. От неудач в конфликтах с Аль-Каидой позиция Исламского государства на поле битвы в Сирии пошатнулась, что стало одной из причин планирования нападения в Париже в ноябре 2015 г. [8].

Между внутренним хаосом, вызванным арабской весной, и быстрым распространением Исламского государства существует корреляция. Арабская весна не только один за другим свергала режимы исламского мира, но и спровоцировала ряд революций и восстаний на Ближнем Востоке и в Северной Африке, таких как Жасминовая революция в Тунисе и революции в Саудовской Аравии и Йемене. Эта ситуация устранила барьеры, которые могли бы препятствовать проекту расширения демократии и распространения западных ценностей, одновременно с этим

ислам будет продолжать сопротивляться Западу.

С точки зрения Запада, «арабская весна» оказала позитивное влияние на распространение демократии на Ближнем Востоке, в некоторых источниках подтверждается вклад «арабской весны» в региональный мир и стабильность. Г. Киссинджер утверждает, что «арабская весна» углубляет представления нового поколения этого региона о свободе и демократии [7].

Так называемое «повышение стабильности» означает лишь то, что устранены режимы, рассматриваемые как препятствия, а им на смену пришла западная демократия, т. е. стабильность процесса распространения западных ценностей в этом регионе действительно возрастает.

Если рассматривать другие меры по обеспечению региональной стабильности, то вмешательство США во время гражданской войны в Ливии лишь косвенно блокировало насилие против невинных людей. Дж. Вестерн и Дж. Гольдштейн полагают, что интервенция в Ливии (в отличие от ситуации в Боснии, где интервенция отсутствовала) способствовала защите гражданского населения от насилия: это заставляет агрессоров заниматься самообороной и лишает их возможности причинять вред мирным жителям [15]. Проблемой остается то, что интервенция не смогла сдержать гражданскую войну и конфликты между фракциями. Кроме того, нет никаких механизмов для изменения этого шаблона, а игра с нулевой суммой, в которой участвует Запад, воюя с исламом, одновременно укрепляет стабильность западных ценностей в отдельных частях региона и ослабляет стабильность в регионе в целом. Все это неизбежно приводит к увеличению сложности борьбы с терроризмом. К. Кеннеди-Пайп полагает, что «арабская весна» внесла двусмысленность в проблемы безопасности, поскольку она не только привела к большему количеству революций и восстаний на Ближнем Востоке и в Северной Африке, однако теперь в это поле включены нестабильность в Пакистане, ядерная программа Ирана и израильско-палестинские отношения [6].

Большинство режимов продемонстрировали нестабильность и неспособность отстаивать порядок и справедливость: одни свергались, другие находились под постоян-

ной угрозой свержения. Отсутствие системы безопасности, вызванное постоянными сменами режимов, способствовало распространению Исламского государства.

Заключение. Несмотря на то, что политическое положение и военные стратегии большинства крупных держав демонстрируют мировому сообществу стабильность миропорядка, страны по отдельности по-прежнему обеспокоены возможностью будущей интенсификации конфликтов [5]. Это означает, что операции по устранению угроз безопасности, включая борьбу с терроризмом, требуют более активного международного сотрудничества. Отдельные его примеры показывают, что страны способны сосредоточиться на взаимных интересах и преодолеть спорные моменты в целях противодействия общей угрозе.

Между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки, а также иными странами Запада, существует значительная напряженность в отношениях. Неопределенность присутствует в отношении России, западных держав и государств исламского мира.

Разрешение существующих противоречий рассматривается как фактор предотвращения возможной эскалации конфликтов. Осознание высокой цены таких конфликтов должно побудить стороны начать работу над его предотвращением.

Особенно важным итогом должна стать активизация совместной деятельности по борьбе с международным терроризмом, который в последнее время значительно трансформировался.

Список литературы

1. Cronin A. K. Behind the curve: globalization and international terrorism // *Essential readings in world politics*. New York; London: W. W. Norton & Company, 2004. P. 367–381.
2. Davidson C. M. *Shadow Wars: The secret struggle for the Middle East*. London: Oneworld Publications, 2016. 688 p.
3. Haass R. N. Fatal distraction: Bill Clinton's foreign policy // *Foreign Policy*. 1997. No. 108. P. 112–123.
4. Haftendorn H. The Security puzzle: theory-building and discipline-building in international security // *International Studies Quarterly*. 1991. Vol. 35, No. 1. P. 3–17.
5. Jervis R. Cooperation under the security dilemma // *World Politics*. 1978. Vol. 30, No. 2. P. 1167–1214.
6. Kennedy-Pipe C. *American foreign policy after 9/11* // *US Foreign Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 377–391.
7. Kissinger H. *World order*. New York: Penguin Books, 2015. 432 p.
8. Rapoport D. C. Why has the Islamic State changed its strategy and mounted the Paris-Brussels attacks? // *Perspectives on Terrorism*. 2016. Vol. 10, No. 2. P. 24–32.
9. Rogers P. *Global terrorism* // *US Foreign Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 317–350.
10. Rutland P., Dubinsky G. *US foreign policy in Russia* // *US Foreign Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 239–258.
11. Sen A. *Identity and violence: the illusion of destiny*. New York; London: W. W. Norton & Company, 2007. 240 p.
12. Stevenson J. Peace in Northern Ireland: why now? // *Foreign Policy*. 1998. No. 112. P. 41–54.
13. *The history of terrorism: from Antiquity to ISIS* / eds. G. Chaliand, A. Blin. Berkeley: University of California Press, 2016. 536 p.
14. Warnes R. *France* // *Considering the creation of a domestic intelligence agency in the United States: lessons from the experiences of Australia, Canada, France, Germany, and the United Kingdom*. Santa Monica: RAND Corporation, 2009. P. 65–91.
15. Western J., Goldstein J. S. Humanitarian intervention comes of age: lessons from Somalia to Libya // *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90, No. 6. P. 48–59.

References

1. Cronin A. K. *Essential readings in world politics* (Essential readings in world politics). New York; London: W. W. Norton & Company, 2004, pp. 367–381.
2. Davidson C. M. *Shadow wars: The secret struggle for the Middle East* (Shadow wars: The secret struggle for the Middle East). London: Oneworld Publications, 2016. 688 p.

3. Haass R. N. *Foreign Policy* (Foreign Policy), 1997, no. 108, pp. 112–123.
4. Haftendorn H. *International Studies Quarterly* (International Studies Quarterly), 1991, vol. 35, no. 1, pp. 3–17.
5. Jervis R. *World Politics* (World Politics), 1978, vol. 30, no. 2, pp. 1167–1214.
6. Kennedy-Pipe C. *US Foreign Policy* (US Foreign Policy). Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 377–391.
7. Kissinger H. *World order* (World order). New York: Penguin Books, 2015. 432 p.
8. Rapoport D. C. *Perspectives on Terrorism* (Perspectives on Terrorism), 2016, vol. 10, no. 2, pp. 24–32.
9. Rogers P. *US Foreign Policy* (US Foreign Policy). Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 317–350.
10. Rutland P., Dubinsky G. *US Foreign Policy* (US Foreign Policy). Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 239–258.
11. Sen A. *Identity and violence: the illusion of destiny* (Identity and violence: the illusion of destiny). New York; London: W. W. Norton & Company, 2007. 240 p.
12. Stevenson J. *Foreign Policy* (Foreign Policy), 1998, no. 112, pp. 41–54.
13. *The history of terrorism: from Antiquity to ISIS* (The history of terrorism: from Antiquity to ISIS) / eds. G. Chaliand, A. Blin. Berkeley: University of California Press, 2016. 536 p.
14. Warnes R. *Considering the creation of a domestic intelligence agency in the United States: lessons from the experiences of Australia, Canada, France, Germany, and the United Kingdom* (Considering the creation of a domestic intelligence agency in the United States: lessons from the experiences of Australia, Canada, France, Germany, and the United Kingdom). Santa Monica: RAND Corporation, 2009, pp. 65–91.
15. Western J., Goldstein J. S. *Foreign Affairs* (Foreign Affairs), 2011, vol. 90, no. 6, pp. 48–59.

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Чжан Цзыхао, аспирант, департамент международных отношений, факультет мировой экономики и мировой политики, Высшая школа экономики Национальный исследовательский университет, Москва, Россия. Сфера научных интересов: российско-американские отношения, геополитика, терроризм и антитерроризм
zhangzihao0710@gmail.com

Zihao Zhang, postgraduate, School of International Affairs, World Economy and International Affairs faculty, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: Russian-American Relations, Geopolitics, Terrorism and Antiterrorism

Образец цитирования

Чжан Цзыхао. Факторы трансформации природы терроризма в XXI в.: по публикациям иностранных авторов // Вестник Забайкальского государственного университета 2020. Т. 26, № 4. С. 59–68. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-4-59-68.

Zihao Zhang Factors of terrorism nature transformation in the XXI century: according to publications of foreign authors // Transbaikalian State University Journal, 2020, vol. 26, no. 4, pp. 59–68. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-4-59-68.

Статья поступила в редакцию: 06.04.2020 г.
Статья принята к публикации: 13.04.2020 г.